

◆ Николай Свечин ◆

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ДЕЛА МИНУВШИЕ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.
С24 Дела минувшие / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-186678-5

ISBN 978-5-04-186649-5

Весной 1884 года темный, тяжелый лед сошел с Невы поздно. Промозглый сырой ветер начал прибывать к берегам и отмелям безобразные распухшие трупы. В этот раз их было просто чудовищно много. Однако полиция Санкт-Петербурга быстро и без тени сомнений находила причины: то утопление по неосторожности, то в алкогольном состоянии, то в беспечности. Несчастные случаи, что тут поделаешь...

Вице-директор Департамента полиции Павел Афанасьевич Благово не согласен с официальной точкой зрения. Вместе с Алексеем Лыковым он добивается разрешения на повторное вскрытие тела некоего трактирщика Осташкова, который в пьяном виде якобы свалился в реку. Результаты анализа воды в легких покойника ошеломляют Благово...

Книга состоит из пяти новелл, возвращающих читателя во времена молодого Лыкова и еще живого Благово.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186678-5
ISBN 978-5-04-186649-5

© Свечин Н., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

В ЧЕЧЕНСКИХ ГОРАХ

Август 1878 года вольноопределяющийся Сто шестьдесят первого Александропольского пехотного полка Алексей Лыков встретил в горах. Их партизанская команда выслеживала непримиримых — участников прошлогоднего газавата. Само восстание было давно подавлено. Чеченцы и дагестанцы ударили в спину русской армии, когда та сражалась с турками. Зачинщиками выступили паломники. Они возвращались из Мекки через Константинополь, где встречались с мухаджирами — беженцами, переселившимися с русского Кавказа в Блистательную Порту. Мухаджиры ненавидели царскую власть и мечтали вернуться на родину. Сотни их тайно проникли в Терскую область и готовили там бунт. Идея была возродить на Кавказе имамат по образцу Шамиля. Свергнуть урусов и создать мусульманское государство, живущее по законам шариата и подчиняющееся вождю всех правоверных — турецкому султану. Добавляли масла в огонь беглые ссыльные. Начальство в наказание за беспокой-

Дела минувшие

ное поведение отправляло их в центральные русские губернии под надзор полиции. Надзор, однако, был такой, что туземцы быстро возвращались в родные горы и селились среди единоверцев, которые их прятали. Наводненный эмигрантами и беглыми край походил на пороховую бочку, готовую взорваться в любую минуту. Фитилем для взрыва и стала начавшаяся война.

Вождем бунта неожиданно для всех сделался Алибек-Хаджи Алдамов из Зандака. Ему было всего двадцать семь лет, когда молодой чеченец вернулся из паломничества. В Константинополе хаджи встретился с турецким генералом Гази-Магомедом, сыном Шамиля. В свое время тот принял вместе с отцом и братом присягу на верность Александру Второму. Потом он выпросил у государя разрешение отлучиться ненадолго в Турцию, чтобы уладить отношения с родственниками. Забрал огромную пятнадцатитысячную пенсию и остался там навсегда, нарушив данное слово. Теперь Гази-Магомед готовил восстание в тылу русских войск. Он обещал Алдамову, что османы высадят десант на Черноморском побережье Кавказа и придут на выручку повстанцам. С двух сторон задавят русских и водружат зеленое знамя ислама...

Когда началась война, Алибек-Хаджи подбил своих однообщественников взяться за оружие. Его избрали имамом. Вспыхнуло кровавое восстание, получившее название малый газават (большой был при Шамиле). Пламя восстания перекидывалось от аула к аулу. К Зандаку присоединились многие общест-

В чеченских горах

ва, но не все. Например, Гудермес и Шали встретили бунтарей выстрелами. Старшина Шали прапорщик Борщих Ханбулов убедил земляков, что власть белого царя крепка, восстание не имеет шансов на успех и лишь принесет народу горе и лишения♦. Ряд других селений дали своих мужчин в отряды милиции, которые помогали немногочисленным войскам бороться с мюридами Алибека. Того в свою очередь поддерживали дагестанцы. В Гунибском округе объявили имамом Мухаммад-Хаджи Согратлинского, осадили Гунибское укрепление и перерезали сообщение по дорогам. А Мехти-бека назвали имамом всего Кавказа и уцмием♦♦ Кайтага и Табасарана.

В мае 1877 года турки действительно высадились в Очамчире, Гаграх и Адлере. Но до Чечни с Дагестаном они не добрались, да не очень-то и старались. Уже в августе их выкинули обратно. И повстанцы остались один на один с русской армией. Мятежные аулы сжигались, посеы уничтожались, жители переселялись на равнины. Алибек-Хаджи метался по Ичкерии и Салаватии, постоянно возвращаясь в родные ему Симсирские леса. Он считал свой хутор Симсир неприступным для противника. С одной стороны селение окружал непроходимый лес, а с трех других — глубокие овраги. Но регулярные войска при поддержке туземной милиции преодолели все препятствия. Власть щедро платила своим и союзникам. Милиционеры получали пятнадцать рублей жалованья в месяц. А за каждого доставленного повстанца, независимо, живого или мертво-

♦ Впоследствии Борщих Ханбулов получил за это от правительства большую пожизненную пенсию. (Здесь и далее — примеч. автора.)

♦♦ Уцмий — правитель.

Дела минувшие

го, выдавали двадцать пять рублей. Охочие до денег смельчаки озолотились.

К октябрю мятеж был в целом подавлен. Алибек надеялся на осеннюю распутицу, когда воевать в горах нельзя, и заперся в очередном неприступном ауле у подножия горы Дарум. Аул расположился в треугольнике, образуемом реками Беноевский Ярык-Су и Ауховский Ярык-Су. В вершине треугольника реки сливались, их глубокие ущелья служили защитой повстанцам. Имам создал там лагерное место с большими запасами вяленой баранины, чая, сахара, масла, красных товаров. Взять его осенью было очень трудно, почти невозможно. Но среди горцев нашелся предатель. Богатый чеченец Бий-Султан был скомпрометирован перед властями, его ожидало наказание. Желая спасти имущество, он предложил генералу Смекалову, командующему карательной экспедицией, привести отряд тайными тропами через горы прямо в аул. Генерал согласился. Он выделил большие силы для создания в лесах множества засад. Когда в селении завязался бой, восставшие в панике бросились в разные стороны. И попали в засады, где их нещадно истребляли. Начались травля и избиение беглецов. Алибек-Хаджи спасся всего с пятью сообщниками.

Имамат доживал последние дни. Один за другим пали Цудахар и Телетль. Их сначала разрушили артиллерией, потом взяли штурмом и сожгли дотла. Последним склонился Согратль. После двухдневных боев его жители выдали военным руководителей обоих

В чеченских горах

восстаний — и чеченского, и дагестанского. Мухаммад-Хаджа Согратлинский, его отец шейх Абдурахман-Хаджи, Аббас-паша, Умма-Хаджи Дуев, Даду Залмаев и Даду Умаев оказались в плену.

Из вождей один лишь неуловимый Алибек вновь выскользнул из окружения и вернулся в Чечню. Но уже через три недели он тоже сдался — чтобы не пострадали принявшие его аулы. По всей Терской области начались военно-полевые суды. Власти отказались от прежней тактики умиротворения и мягких репрессий. С 10 по 30 ноября в разных местах были казнены более трехсот человек. Главного атамана, Алибека-Хаджи Алдамова, и одиннадцать его ближайших сподвижников повесили 9 марта 1878 года на базарной площади в Грозном.

Открытое неповиновение широких масс было подавлено. Однако в горах остались непримиримые — власти называли их недобитками. Счет им шел на сотни, и они представляли большую опасность. Военная администрация создала для борьбы с инсургентами так называемые партизанские команды. Партизанскими их именовали потому, что те действовали без всякого руководства сверху, на свой страх и риск. Впервые их придумал начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов. Когда бунтовщики перерезали дороги и нарушили сообщение с Ведено, он выслал на борьбу с ними отряды с особыми полномочиями. Партизаны патрулировали дороги и убивали всякого, кто казался им подозрительным. Без суда и следствия. Террор при-

Дела минувшие

нял такие масштабы, что запуганные жители окрестных селений держались от дорог подальше. Когда вождей перевешали, команды сначала распустили. Но летом 1878 года часть их была заново сформирована. С одной разницей: если в прошлом году средняя численность штыков в них составляла сто — сто пятьдесят человек, то теперь максимум десять-двенадцать. Активная фаза войны закончилась, и отряды сделали небольшими для лучшей маневренности. Отчаянные люди силой в одно неполное отделение шли во враждебные горы. И резались там с абреками, дезертирами, беглыми ссыльными... Кровавые схватки шли каждый день, без свидетелей, без подмоги из крепостей, без начальственного глаза, по принципу «кто кого».

Алексей Лыков к лету излечился от раны, полученной при штурме Цихидзирских высот. Он мог уже ехать домой — доброволец с Георгиевским крестом, со шрамом под самым сердцем. Но решил дополнительно испытать себя. Его сманил Калина Голунов. Пластун, видать, не навоевался досыта и записался в партизанскую команду очищать ущелья Ичкерии. Там шалили разрозненные группы бывших инсургентов. Вольноопределяющийся согласился. Правда, затем их разделили. Голунова как опытного командира назначили помощником начальника сводного отряда из пяти партизанских команд. А Лыков попал в кормишинскую артель. Так называлась команда старшего унтер-офицера Ширванского полка Сергея Михайловича Кормишина. Он не уступал самому Калине, в ничьей

В чеченских горах

опеке не нуждался и действовал с большой храбростью, помноженной на опыт и тщательный расчет.

Нижегородец быстро понял, что с командиром ему опять повезло. У Кормишина было чему поучиться. Сергей Михайлович воевал на Кавказе уже двадцать лет. Он участвовал еще в штурме аула Гуниб и пленении Шамиля. Жилистый, неутомимый, наблюдательный, невероятно опытный, старший унтер-офицер всегда добивался результата. Его артель уничтожила больше всех мятежников при самых малых потерях. Командование ставило Кормишина в пример остальным, а по итогам летней кампании он получил третьего Георгия. (Лыкову тогда же навесили Аннинскую медаль ♦.)

Начальник переговоров с Калиной, затем расспросил Лыкова и принял его к себе, несмотря на молодость. Кроме их двоих, в артель входили еще семеро.

Два казака-терца из Кизляро-Гребенского полка держались вместе. Оба именовались Александрами: высокий — по фамилии Гурин и низенький — Баюнов. Их называли Шура Крупный и Шура Мелкий. При этом Баюнов был сильнее и ловчее своего товарища-гиганта. Веселые, бывалые, они пользовались большим успехом у женщин всех народностей. И тут уже Гурин побеждал Баюнова.

Василий Листопадов ставил себя высоко и жил особняком. Его кличка — Васька Стрелок — была получена не просто так. Листопадов великолепно стрелял и охотно применял свои навыки. Всякий солдат

♦ Знак отличия ордена Святой Анны — награда для нижних чинов за особые подвиги и заслуги, проявленные не на поле боя.

Дела минувшие

убивает в бою: там думать некогда — или ты врага, или он тебя. Но в передышке между схватками служивый закурит трубку, поболтает с приятелем, вспомнит о доме. А Васька брал винтовку и выходил на охоту. Он занимал позицию на ничейной полосе и ждал добычи. При появлении зазевавшегося противника стрелял и всегда попадал. Солдаты не любили его за тягу к убийствам. Листопадов сделался в роте изгоем, с ним не разговаривали, не делились табаком. Он замкнулся и стал только злее. Потом его ранили. Стрелок вылез и на войну не вернулся, а подался бороться с повстанцами. Там за убитого горца платили четвертной билет! Васька открыл промысел и заработал за осень 1877 года триста с лишним рублей, а также получил ефрейторскую лычку. Деньги он носил при себе, не доверяя никому, и время от времени вынимал и пересчитывал. Чем еще больше настраивал против себя товарищей.

Когда Лыков пришел в артель, они со Стрелком выяснили, кто из них лучше. Алексей показал класс, он не уступил в меткости, хотя дольше целился. Листопадов зауважал парня и даже показал ему несколько секретных приемов. Вольноопределяющийся их запомнил.

Харитон Бындарь, Иван Толстопят и Макар Кляузин были просто хорошие солдаты с боевым опытом.

Замыкал артель анекдотичный персонаж — Иоганн Пупершлаг. Саратовский немец выращивал горчицу, когда началась война с Турцией. Его призвали из ратников — бедолага вытянул жребий. А до этого он

В чеченских горах

благополучно проскочил жеребьевку, шмыгнул в ополчение, минуя срочную службу, и собирался жениться. Неуклюжий, но по-немецки аккуратный, Иоганн обречен был пасть на поле боя — он совсем не годился для войны. Но Двадцать первая пехотная дивизия на театр главных действий не поехала, а занялась подавлением восстания в тылу. Кормишин встретил Пупершлага в Дагестанском нагорном отряде полковника Накашидзе, пожалел и взял под защиту. Сначала пристроил денщиком к полковому адъютанту, а потом помог перейти в кашевары. Весь прошлый год немец кухарничал. Теперь он попросился в кормишинскую артель на ту же роль кашевара, и Сергей Михайлович согласился.

Таким образом, вся партизанская команда состояла из восьми нижних чинов под командой унтера. Вооружены они были по-разному. Казаки предпочитали шашки и кинжалы, а вместо винтовок имели карабины. Листопадов все внимание уделял горячему оружию. Он достал где-то винчестер модели «мушкет». Магазиновая винтовка имела семнадцать зарядов! В руках меткача это было страшное оружие. Василий носил его в чехле, постоянно смазывал, протирал, ухаживал за ним, как за невестой.

Лыков до этого воевал в команде пешей разведки Рионского отряда. Охотники добыли себе лучшие образцы, что имелись у турок. Алексей взял хороший трофей — тоже винчестер, но двенадцатизарядный, образца 1876 года. С ним он и подался в партизаны.

Дела минувшие

♦ *Переделная винтовка* — винтовка, переделанная в казнозарядную из старой дульнозарядной винтовки.

♦♦ Ссылным разрешили вернуться на родину только после воцарения Александра Третьего.

Остальные артельщики ходили по горам с однозарядными берданками. А у Пупершлага вообще была переделная♦ винтовка Крнка, которую он забросил.

Команда уже две недели лазила по горам восточного угла Веденского округа, в треугольнике между селениями Таузен, Махкеты и Элистанжи. Они выдвинулись из крепости Ведено — столицы округа и всей Ичкерии, прошли на восток около сорока верст и разбили лагерь на берегу реки Бас. Отряд прочесывал местность, оставляя на хозяйстве кашевара и с ним, по очереди, одного солдата. Остальные семеро ходили вместе, стараясь не выпускать друг друга из виду. Война в этих местах кончилась меньше года назад. Да и то сказать — горцы замирились для видимости. Ненависть к русским осталась. Ее сильно подпитывали репрессии. Все мало-мальски влиятельные и образованные люди так или иначе оказались замешаны в волнениях. Теперь настал час расплаты. Семейных выселяли в город Опочка Псковской губернии, а также в глухие местности Новгородской и Архангельской губерний, несемейных — в Томск и Тобольск♦♦. Оставшееся население было обложено трехрублевым подушным сбором на возмещение убытков казне и частным лицам, причиненных восстанием. Для нищих чеченцев это были большие деньги, особенно после карательных экспедиций, сжигавших аулы, конфисковывавших скот и уничтожавших посевы.

Группы непримиримых прятались в лесах, местные жители их укрывали и кормили. Поэтому первое, чем

В чеченских горах

заялся Сергей Михайлович, это поиск и вербовка осведомителей из числа туземцев. Для этого ему в штабе крепости выдали двести рублей золотыми пятерками. Партизаны не только прочесывали окрестности, но и заходили на хутора и в аулы, разговаривали с жителями, пытаясь привлечь их на свою сторону.

Команде поручили поймать и доставить в Ведено одного из непримиримых — Джамболата Алибекова из Хатума. Он был помощником здешнего вожака бунта Лорис-Хаджи Гериева, повешенного весной в Грозном вместе с главными атаманами. Гериев был из Таузена, отчего за этим селением Кормишин наблюдал особенно тщательно. Таузен славился тем, что оттуда был родом отец первого имама Кавказа Шейха Мансура. Жители гордились земляком и не очень привечали русских. Пока партизанам не удавалось найти там доносчика. Между тем Алибеков, уже много раз ускользавший от урусов, не унимался. Месяц назад он напал на фуражиров, перегонявших скот для пропитания гарнизона крепости. Абрек угнал пять казенно-подъемных лошадей с овсом и просом, а также двенадцать голов порционного скота. При налете погиб нижний чин Апшеронского пехотного полка.

Алексей впервые попал в такую удивительную страну и не переставал восхищаться. Местность относилась к числу самых диких и труднодоступных во всей Терской области. На юге возвышался Андийский хребет, отделявший Чечню от Дагестана. От него отходили к северу высокие отроги, делившие пространство на

Дела минувшие

котловины. По котловинам текли к равнинной Чечне быстрые реки, пробившие в скалах глубокие отвесные ущелья. Путь им преграждала гряда Черных гор. Реки сливались друг с другом и в конечном итоге впадали в Сунжу.

Отроги как бы разлиновывали плато. Они были не очень высокими, бесснежными и живописно-пугающими. На Кавказе более двадцати вершин превосходят Монблан, самую долговязую гору Европы, но в этой части их размеры не столь впечатляли. Однако карабкаться по тропам, с перевала на перевал, было утомительно. А еще требовалось держаться настороже — вдруг за камнем прячутся Алибеков со своими джигитами? Пока инсургенты не попались партизанам ни разу. Они находили костры со следами ночевок, но кто искал здесь приют, было неясно. Еще всюду были разбросаны посевы. Чаще всего это оказывались кормовые травы: овес, люцерна, райграс и эспарцет. Реже попадался табак, а дважды — марена♦.

♦ *Марена* — травянистое растение, которое выращивали для изготовления натуральных красителей.

Наступил очередной день поиска. Иоганн заявил, что останется в лагере один, пусть его не охраняют. Ишь, осмелел на третьей неделе... Сергей Михайлович почему-то согласился.

Команда отправилась вниз по течению реки Аржи-Ахк. Впереди в дозоре двигался Шура Крупный. Охотники держались в пятидесяти шагах за ним, Кормишин шел в арьергарде. Неожиданно казак замер, всмотрелся в даль и жестом подозвал остальных. Все быстро подошли, кроме отставшего унтера.

В чеченских горах

Шура показал вперед. По тропе поднимался горец с винтовкой за спиной. Он не видел настигавших его русских и карабкался беззаботно. Василий Листопадов тут же сдернул винчестер и прицелился в туземца. Лыков схватил его за руку:

— Что ты делаешь? А вдруг это мирный горец?

— У него ружье за спиной, — огрызнулся Стрелок.

— Ну и что? Тут все ходят с ружьями. Примерно как наши мужики в лесу всегда с топорами.

— А я по походке вижу, что он мятежник. Самая разбойничья походка!

Листопадов попробовал освободить руку. Тогда Алексей вырвал у него винтовку и сказал с угрозой:

— Слышь, вурдалак. Смири свой нрав. Война кончилась, сейчас мирное время.

— И что? — с вызовом спросил партизан.

— А то. Нейдется кого-нибудь прикончить?

— Здесь нас никто не любит. Любого вали — не ошибешься.

Тут подоспел Кормишин и спросил шепотом:

— Что за шум, а драки нет?

Шура Крупный показал ему уходящего вверх по тропе горца:

— Васька хотел убить его в спину, а Леха не дал.

— Правильно сделал, что не дал, — тут же высказался старший унтер-офицер. Он взял из рук Алексея мушкет и приказал: — Лыков! Проследи за ним. Постарайся увидеть лицо или запомнить какие приметы.

Дела минувшие

— Есть!

Вольноопределяющийся быстро пошел по тропе, стараясь не шуметь. Другие охотники остались его ждать.

Незнакомый туземец успел уйти достаточно далеко. Лыков настиг его, когда тот уже спускался с перевала вниз, в долину. Там стояло четыре сакли, у одной из них была привязана лошадь. Подходя к хутору, горец оглянулся, и Алексей разглядел его черты. Мужчина лет тридцати, бородатый, худощавый, как большинство здесь. Шашка, кинжал — тоже как у всех. Белый арха-лук при желтом чекмене? И это не приметя.

Горец зашел в саклю, у которой стояла лошадь, через минуту вышел оттуда со свертком в руках. Еще раз осмотрелся. Похоже, он опасался чужих глаз... Сунув кулек в сакву♦, незнакомец в желтом чекмене сел на коня и уехал вниз по реке. Нижегородец дал ему скрыться с глаз, спустился к хутору и осмотрел саклю. Пустая, заброшенная; пахнет куриным пометом. Передаточный пункт для инсургентов? Может быть...

♦ Саква — седельная сума.

Лыков бегом отправился к своим и доложил командиру об увиденном. Тот выслушал и приказал:

— Айда туда, осмотрим.

Ваську он поставил впереди колонны, вернув ему отобранный Лыковым винчестер. Тот шел обиженный и все искал, кого бы ему подстрелить. Но никто партизанам не попался.

Избушки при осмотре оказались пустыми и давно заброшенными. Лишь в той, куда заглянул неизвест-

В чеченских горах

ный, остались следы недавнего пребывания человека. И Кормишин решил устроить на хуторе засаду. Вдруг появится тот, кто облюбовал себе заброшенное жильё для непонятных целей?

Партизаны спрятались в трех других хижинах и за-таились. До конца дня ничего не произошло. Пришлось ужинать сухарями и спать на земле. Утром послышались шаги, и в обжитую саклю зашел чеченец с узлом в руке. Он появился из ниоткуда, часовой прохлопал его появление. Но охотники мгновенно и бесшумно от-мобилизовались. Когда гость появился на пороге, его схватили.

Это оказался знакомый Кормишину старшина аула Дуц-Хутор по фамилии Раздаев. Он опешил, попав в руки урусов. Сергей Михайлович кивнул ему:

— Здорово, уважаемый. И что ты сюда притащил? Давай, показывай.

В узле обнаружили двадцать патронов к берданке, кусок сыра и лаваш.

— Ого, какое богатство. Патрон в ваших краях сто-ит рубль ассигнациями. Дорогой подарок. Скажи, стар-шина, для кого он?

Раздаев уже взял себя в руки и ответил:

— А пастух за ними придет, наш аульный пастух. Он передал, что появились волки, попросил занести эти... как по-вашему?

— Огнеприпасы, — подсказал Сергей Михайлович.

— Да, точно так.

— Давай его дождемся, — предложил Кормишин.

Дела минувшие

Веко у старшины дернулось, но он ответил:

— Давай.

— Долго ждать придется?

Туземец пожал плечами:

— Кто знает? Может, полдня, а может, и три. Если вам нечего делать, ждите. А у меня есть обязанности по должности.

♦ Улем — уважаемый человек.

— Не много ли чести для пастуха, что улем♦ лично носит ему лепешки?

— Нет, не много, он мой племянник.

— И как зовут этого достойного человека?

Раздаев на мгновение запнулся, потом выговорил:

— Гати.

Командир оглядел свою команду:

— Все запомнили ответ? Ждем Гати.

Потом он обратился к пленнику:

— Раздаев, ты понимаешь, что врешь мне, а значит, и власти? Если вместо пастуха сюда явится абрек по имени Джамболат, ты и твоя семья поедете далеко на север. Где очень холодно и голодно.

Но староста посмотрел на русского свысока и отвернулся.

Партизаны опять попрыгали в сакли. Туземца унтер посадил рядом с собой. Потянулось мучительное ожидание. Когда солнце уже клонилось к закату, Шура Крупный не выдержал и тихо вылез из своей хибары на двор, справить малую нужду. Только он распрямылся во весь рост, как грохнул выстрел. Пуля угодила казаку прямо в лоб. Он рухнул на землю. Тут же раздал-

В чеченских горах

ся ответный выстрел — Кормишин успел разглядеть, откуда бьет враг. Алексей тоже выпустил в ту сторону три заряда. Но шансов, что пули попали в цель, было немного.

Артельщики выскочили наружу, Лыков без команды побежал в обход предполагаемой позиции противника, но все оказалось напрасно. Через десять минут вольноопределяющийся на ватных ногах вернулся к своим.

Гурин вытянулся на поляне. Перед ним на коленях стоял Баюнов и вполголоса молился. А Васька Стрелок выступил навстречу Алексею:

— Это тот его убил, кого ты не дал мне пристрелить! Щенок! Все из-за тебя...

— Отставить! — рявкнул старший унтер-офицер.

— А вот и не отставить! — еще громче выкрикнул Листопадов. — Я и в крепости так скажу. Нету человека, а этот вон стоит, сопляк, живой и здоровый.

Алексею хотелось провалиться сквозь землю. Ведь скорее всего Васька прав. Не пастух же уложил их товарища, а кто-то из шайки Алибекова. Лыков не позволил убить его — и вот расплата...

Команда переночевала на хуторе, причем разжигать костер не решились. Лыков вызвался простоять на посту без смены — замаливал свою вину. Связанного старосту положили между двумя пехотинцами. В душе каждому хотелось ткнуть его кинжалом в бок, а потом сказать, что «при попытке к бегству». Но Кормишин дал всем понять, что не потерпит самосуда. Он ни сло-

Дела минувшие

вом не упрекнул нижегородца. Ведь тогда, в ссоре со Стрелком, командир принял его сторону.

Утром артель собралась в дорогу. Им предстояло выйти к селению Махкеты, сдать стоящему там посту пленного и похоронить товарища. Лыков подошел к командиру:

— Сергей Михайлович! Разрешите, я останусь.

— Зачем?

— Осмотрю цепочку следов.

— Один? Это глупо, — Кормишин дернул себя за седой ус и добавил: — Мстить собрался? Их четверо или пятеро. И как будешь мстить?

Алексей упрямо ответил:

— Как получится. Одного они точно не ждут. А вдевятером... ввосемьмером мы их за целый год не поймаем.

Старший унтер-офицер покачал головой, подумал и ответил:

— Ну, как хочешь... Мы вернемся через два дня.

Махнул своим, и артель ушла. Раздаева поставили в середину и заставили тащить труп Шуры Крупного на волокуше. Лыков замыкал колонну. Когда партизаны скрылись в лесу, он отделился от них и стал медленно спускаться кустарником параллельно тропе. Идти было трудно, еще труднее было не шуметь при этом. Наконец нижегородец вернулся на поляну к оставленному хутору, но не со стороны реки, а со стороны леса. Затаился и стал ждать. Ему казалось, что инсургенты захотят сюда вернуться. Вдруг на хуторе тайник, который русские не нашли?

В чеченских горах

Так миновал целый день. Никто не пришел. Алексей переночевал вполглаза — очень хотелось спать после предыдущей бессонной ночи. Забылся он под утро и благополучно проснулся от лучей солнца, бивших ему в глаза.

Что делать? Он был один во враждебных горах. Страх вольноопределяющийся не испытывал, его подстегивала злость. Умирать погоди, говорил он себе, мы еще поборемся. Одному и впрямь легче: ни с кем не надо советоваться, никто тобой не командует. И противник не ждет одиночки. Может, пойти по тропе в ту сторону, куда уехал вчерашний всадник?

И Алексей решился. Он был одет, как горец. Серый чекмень, серый архалук, шашка и кинжал на поясе и винчестер за плечами. Только кокарда на папaxe и погоны с золотым кантом вольноопределяющегося выдавали в нем военного. Ноговицы были дополнены поршнями из буйволиной кожи с железными крючьями — горскими «галoшами» для лазанья по камням. Сорок восемь патронов в подсумке, баклага с водой, манерка, сухари, горсть сахара и кусок вяленой баранины — на два дня хватит. Если не убьют раньше...

Еще какое-то время Лыков сидел и прислушивался к своим ощущениям. Вроде бы страха на самом деле нет. Это хорошо. И он двинулся по тропе. Где-то впереди, по словам Кормишина, Аржи-Ахк сливается с Ахкой. Затем единый поток отклонится вправо, к Хулухте. Места дикие, подходящие для укрытия. И уж точно там не ждут одинокого уруса.

Дела минувшие

Он прошел в выбранном направлении четыре часа без отдыха. Тропа медленно забирала вправо. Вдруг, когда Алексей обогнул валун, на него кинулись двое. Резко развернувшись, охотник показал им тыл и припустил обратно. За ним гнались. Выждав нужный момент, Лыков выхватил кинжал и обратился к противнику лицом. Первый преследователь увлекся и слишком приблизился к нему. И налетел на клинок. Удар в сердце; туземец, хрипя, повалился на землю. А русский уже атаковал второго. Хотели догнать? Ну вот, догнали. Получите! Это за Шуру Крупного!

Второй преследователь, молодой парень с едва пробившимися усами, опешил и затормозил на бегу. Но больше ничего сделать не успел — Лыков насадил на кинжал и его. Раз-два — и в дамки... Разгоряченный боем и необычно быстрой победой, он всмотрелся вперед. На тропе стоял третий горец, постарше, в белом бешмете и желтом чекмене. Он держал одну руку на эфесе шашки, а другую на рукояти кинжала. И разглядывал русского с интересом и даже, кажется, с одобрением. Это был тот человек, которого Алексей не дал Ваське застрелить в спину!

— Ты ловкий и храбрый, — похвалил русского чеченец. — Я еще не видал такого приема, только слышал о нем.

До него было шагов десять, и Алексей начал снимать висевшую за спиной винтовку. Горец укоризненно цокнул языком:

В чеченских горах

— Ца-ца-ца! Только что показал свое мужество, а теперь хочешь убить меня из ружья? Давай драться как мужчины, холодным оружием. С таким противником сразиться — честь для джигита.

Голос у чеченца был приятный, наружность мужественная и притягательная. Лыков смешался — ему хотелось убивать этого человека.

А тот продолжил:

— Ты ведь меня ищешь? Я Джамболат Алибеков Хатумский. А как зовут тебя?

— Алексей Лыков. Скажи, кто убил вчера моего товарища? Ты?

— Нет, это сделал вон тот молодой, что лежит на тропе позади тебя. Его зовут Косум. Вернее, звали... Но, случись, и я бы убил уруса. И убивал не раз, кстати сказать. Мы же воюем с вами. Так что я твой враг. Давай драться, но со всем уважением друг к другу. Или ты устал? Мы можем перенести поединок на завтра. Ты один, других ваших поблизости нет?

— Нет.

— В одиночку пошел на всех нас? Я думал, только мы, чеченцы, такие...

Алексей слушал и удивлялся. Туземец нравился ему все больше. Почему он враг, а не приятель? По-русски говорит почти без акцента, смотрит смело, но речь его учтива и почтительна. И нижегородец заявил:

— Я не хочу с тобой драться. Ну, в том смысле, что убивать тебя.

— Ай-яй... Но ведь придется!

Дела минувшие

— Давай лучше ты сдашься властям. Будешь живой. Алибеков прыснул:

— Я — сдамся? Извини, ты сказал ерунду. Так по-вашему?

— Но почему мы должны обязательно резать друг друга? — попытался спорить вольноопределяющийся. — Пусть не сделаемся кунаками, но останемся людьми. Конечно, тебе придется ответить перед законом за свои злодеяния...

— Ца-ца-ца! В чем же мои злодеяния? Не в том ли, что я защищал свою землю от захватчиков?

— Но вы помогали туркам!

— Конечно. Мы помогали... как это у вас? Единоверцам. Мы с ними чтим одного Бога. А вы для нас неверные. Кроме того, несете свои порядки, навязываете их нам. Мы, чеченцы, все равны между собой. У нас нет ни знати, ни черни. А у вас?

Противники помолчали, подбирая новые аргументы для спора. Наконец Джамболат спросил:

— Зачем вы пришли на нашу землю? Зачем ты, Лыков, пришел сюда? Чего плохого я тебе сделал, что ты явился меня убивать?

— Я подданный своего государя. Нам объявили войну, я взял оружие.

Чеченец слушал, чуть склонив голову набок. Кажется, он пытался понять логику русского.

— Однако война закончилась, а ты еще здесь. В наших горах. Ищешь, кого зарезать. Этого требует от тебя твой государь?

В чеченских горах

— Ну... присяга...

— Ступай домой и возвращайся без винтовки и кинжала. И я встречу тебя как почетного гостя и кунака.

— Не могу, — с искренним сожалением ответил Алексей. — Хотел бы, но тогда это будет дезертирством. Я солдат и должен выполнять приказы.

— Русские солдаты прошлым летом сожгли мой аул. Они тоже выполняли приказы. Как я теперь должен к ним относиться? Представь: чужие люди пришли в твою страну, в твоё селение, уничтожили его, вытоптали посевы, обрекли женщин и детей на голод, а мужчин перебили. Что бы ты сделал в ответ?

— Стал бы с ними сражаться...

— Вот видишь. Так что снимай ружье, берись за шашку. Если устал и хочешь отдохнуть, я пойму. Перенесем поединок на завтра. Удивительно, что ты пришел один, без отряда. Смелый или глупый...

Вдруг за спиной горца дрогнула ветка, и показался ствол.

— Так вот какой у тебя честный поединок! — крикнул Лыков, хватаясь за цевье винчестера.

Алибеков мгновенно повернулся и заговорил по-чеченски — резко, повелительно. Из кустов вышел горец, очень похожий на него, но с неприятным злым лицом. Джамболат отобрал у него винтовку, жестом отослал назад и вновь повернулся к русскому:

— Извини! Это мой средний брат Самболат. Он... не такой, каким полагается быть настоящему джигиту. Я очень сожалею об этом. Младший, Имадин, растет

Дела минувшие

порядочным и радует меня, но он еще молод для войны. Ну? Смотри.

Алибеков-старший взял в одну руку свою винтовку, в другую — оружие брата и положил их сбоку от тропы. Отступил на пять шагов и предложил:

— Сделай то же самое, и начнем.

— А этот?

— Он будет смотреть. Не бойся, мы схватимся один на один. Если ты победишь, Самболат тоже сразится с тобой. Если захочет. Но я сомневаюсь в этом.

В голосе абрека проскользнуло нечто, похожее на презрение. Он через плечо вновь сказал что-то резкое брату, и тот попятился.

Вольноопределяющийся решился. Он снял винчестер, с лязгом извлек шашку из ножен, вынул и кинжал. Противник улыбнулся ему ободряюще и сделал шаг вперед.

— Драться с тобой — честь для меня. Если бы все русские были, как ты, мы могли бы дружить, а не истреблять друг друга...

Лыков тоже сделал шаг вперед. Вот-вот они скрестят оружие... Нижегородец лихорадочно вспоминал уроки сабельного боя от Калины Голунова. Тот много времени потратил, натаскивая молодого приятеля. Как уж там?

♦ Белое оружие — холодное.

Калина говорил, что драться белым оружием♦ русскому человеку с горцами очень трудно. Почти безнадежно. Они учатся сабельному бою с детства, оттачивают приемы всю жизнь и достигают большого

мастерства. Но в их манере есть пробелы, которые нужно использовать. В частности, горцы любят наносить шашкой и даже кинжалом рубящие удары, а колющих избегают. Многие считают их нечестными, так как русские полагают нечестным бить лежачего. Если в ответ на рубящий удар нанести прямой выпад шашкой, горец часто оказывается к нему не готов. И есть шанс пробить защиту. Надо только изловчиться.

Джамболат ободряюще кивнул Алексею — мол, не дрейфь. Было видно, что он не боится смерти. Безо всякой рисовки, просто не боится. У Лыкова же задрожали руки и вспотела спина. Или—или, кто кого. Горский сабельный бой. Даже храбрые кавказские полки — Ширванский, Апшеронский, Куринский — старались избегать его.

— Уверен, что не хочешь перенести на завтра? — участливо, уже в который раз спросил чеченец.

— Нет. Давай, начинай, — выдохнул русский. И они сошлись.

Начало боя едва не стало для Лыкова концом. Он слишком волновался и сразу пропустил опасный удар. Шашка скользнула по локтю и дошла до плеча, разрубив погон. Пока русский приходил в себя, пропустил боковой удар кинжалом. Хорошо, успел отскочить, и лезвие лишь оцарапало бок. Вольноопределяющийся остановился и попробовал взять себя в руки. К его удивлению, чеченец не использовал этот момент, прекратил атаку и дал противнику оправиться. Зачем убивать такого, снова подумал Алексей. Почему мы враги,

а не кунаки? Но разводить нюни было некогда. Плечо саднило, по животу стекала кровь.

— Можно? — спросил разрешения горец.

— Валяй, — кивнул русский и пошел наконец в атаку. Несколько быстрых ударов шашкой Джамболат отбил без особого труда. Алексей сделал вид, что вспомнил о кинжале. Покрутил им — и совершил неожиданный выпад гурдой♦ и следом — потяг♦♦. Острое лезвие вошло чеченцу чуть ниже сердца, пройдя между газырями. Тот запнулся, выронил клинок и схватился свободной рукой за грудь. Ноги его подкосились. Из уголка рта показалась тонкая струйка крови. Отняв руку и увидев на ней алые пятна, Алибеков улыбнулся — просительно и немного печально:

— Драться с тобой... честь...

И упал.

Брат джигита дико закричал и кинулся прочь. У Лыкова не было ни сил, ни желания преследовать его. Он сел рядом с Джамболатом на корточки и взял его за окровавленную ладонь.

— Прости...

Чеченец из последних сил сжал его руку и умер.

Вечером Алексей безбоязненно разжег костер в заброшенном хуторе. Тела погибших горцев лежали неподалеку. На поляне паслись стреноженные три лошади.

Вольноопределяющийся неожиданно для себя сделался богат. За убитых инсургентов ему полагалось семьдесят пять рублей. Верховые лошади тянули каждая на сто двадцать — сто пятьдесят рублей. Чеченцы

♦ Гурда — чеченская шашка.

♦♦ Потяг — обратное движение, извлекающее клинок из тела противника.

В чеченских горах

все оказались щеголи. Одних серебряных газырей набралось несколько фунтов! Но самым ценным из трофеев было оружие. Кинжал и шашка Джамболата, старинной работы, отделанные серебром, тянули на полтысячи. Итого Лыков существенно разжился. В Нижнем Новгороде вся его семья жила на пенсию недавно умершего отца — тридцать четыре рубля пятьдесят копеек в месяц. Ее едва хватало, чтобы сводить концы с концами. А сестра на выданье, барышню нужно одеть... Неожиданно вырученные деньги должны были пригодиться дома.

Однако Алексей меньше всего сейчас думал об этом. Он сварил похлебку, сделал из кавказской брусники чай и долго сидел, глядя на пламя. Ему было бесконечно жаль убитого им храброго достойного человека. Действительно, что он тут делает, в чужой земле? Пора домой. А эта боль останется теперь с ним. Навсегда. Могли бы быть друзьями. Иметь подобного друга — большая честь...

В ту ночь Самболат легко мог застрелить русского из темноты. Тому было все равно.

Вечером следующего дня Лыков услышал шаги — возвращалась кормишинская артель.

ДОЛГ ЧЕСТИ

Для Девятого Староингерманландского пехотного полка 1880 год закончился печально. В новогоднюю ночь в своей квартире в офицерском флигеле Красных казарм застрелился подпоручик Шенрок. На столе он оставил записку, набросанную второпях— видимо, под влиянием момента: «Простите, родные и друзья, оплачиваю долг чести». Товарищи погрустили, батальонный командир направил рапорт командиру полка, и дело быстро забыли. Дивизионный врач написал, что офицер покончил с собой в порыве умоисступления, вследствие не распознанной вовремя душевной болезни. И потому может быть похоронен как христианин, с соблюдением всех обрядов. Подпоручика свезли на Петропавловское кладбище, и полковая служба продолжилась.

Семнадцатого апреля следующего, 1881 года Лыков встретил в хлопотах. Было Вербное воскресенье, не-присутственный день. Но полицейская служба тяжелая. Ежедневно, независимо от праздников, чинов-

Долг чести

ники должны являться в часть к половине десятого вечера — сдать вечерний рапорт и получить приказы на завтра. Этот порядок касается всех, даже околоточных надзирателей. Для Алексея начальство сделало исключение — сыщик еще не до конца излечился от раны, полученной в подвале Александро-Невского собора, где он спасал покойного государя от покушения♦. Утром и вечером Лыков мог не ходить на службу, а делать лечебную гимнастику. Инвалидная команда! Но в этот раз обстоятельства вынудили сыщика явиться в управление. Павел Афанасьевич Благово прислал Титуса с напутствием. Ян под неодобрительный взгляд матери Алексея прошел в его комнату и сообщил приятелю:

— Труп со знаками насилия.

— Где?

— За Вшивым кустом.

Так называлась большая лужайка, густо заросшая шиповником и притягивающая всякий сброд. Она располагалась на границе выпасных лугов Нижнего Новгорода и общинной земли крестьян села Высоково. Крестьяне свой кустарник вырезали, а горожане оставили. От этого заросли приняли необычную треугольную форму. Рядом пастухи поставили навес, чтобы прятаться от непогоды. В чаще постоянно укрывались и играли в карты беспаспортные или же деревенские пили водку и дрались. А то и все сразу...

Убийство — чрезвычайное преступление. Благово сам еще не оправился от полученной в январе конту-

♦ См. книгу «Охота на царя».

Дела минувшие

зии, и ему требовалась помощь. Титулярный советник вздохнул, сунул за ремень веблей и scomандовал:

— Айда!

В управлении его дожидался начальник. Благово уже вернул здоровый цвет лица, даже наел брюшко. Но голова продолжала болеть, и зрение сделалось слабее.

— Как, сдюжишь? — спросил он у своего любимчика.

— Так точно, вашескородие! Хоть щас выставлялюй♦ в трактир готов! Один семерых забору, во как.

— Тогда бери мой выезд — и дуйте с Яшей на место. Милотворского прихвати.

Городовой врач Милотворский сидел наготове в приемной с саком в руках. Он молча поручался с сыскными, все набились в коляску, и она тронулась.

Апрель начался теплыми деньками, снег на пригорках уже стаял, обнажив серую прошлогоднюю траву; кое-где зеленела и свежая. Через Варварку и Острожную площадь экипаж выбрался из города. Потянулись бесконечные лесные склады на той стороне Напольно-Замковой улицы: Гнеушева, Миловидова, Замошникова, Щурова, Хвальковской... Затем они сменились кирпичными сараями. Местность сделалась еще грязнее, хуже только на соседних бойнях. Лыков ехал и отмечал про себя: у Юнге зимой нашли беглого каторжника, у Нужина трудились задарма пятнадцать беспаспортных, а Лопашов добавлял в кирпич слишком много песку... Эх, буржуазия! Что начнется, когда такие возьмут власть?

♦ Выставляла — вышибала.

Долг чести

Наконец полицейские миновали и кирпичные заводы, и их огромные сараи и вырвались на простор городских лугов. Справа показались три кладбища: еврейское с татарским поближе и Бугровское старообрядческое в отдалении. Луга предназначались для выпаса обывательской скотины и для огородов. Городская управа планировала прирастить там несколько новых улиц и разбить еще одно кладбище. То-то пастухи обрадуются...

Дорога оказалась размытой, лошадь тянула с трудом, поэтому добирались до места происшествия долго. Пересекли по хлипкому мостику мутную Старку, взобрались на тот берег и увидели впереди толпу зевак и пост городских. Приехали...

К сыскным подошел помощник пристава Второй Кремлевской части отставной поручик Есипов:

— Чего так долго? Замерзли, вас ожидая...

— Дорога видели во что превратилась, — начал оправдываться Титус. — Кирпичедельцы разбили в лоск, готовятся к строительному сезону.

Есипов хотел сказать что-то неодобрительное, но Алексей его оборвал:

— Поручик, доложите, что случилось.

По классу должностей помощник пристава и помощник начальника сыскного отделения были равны. Однако таких, как Есипов, в штате числилось четырнадцать человек, а Лыков был один. Кроме того, совсем недавно он пролил кровь за царя. И поручик сбавил тон:

Дела минувшие

— Обнаружено тело рядового в форме Девятого полка. Документов нет. Зарезали ударом под левую лопатку. Орудие убийства отсутствует, свидетели тоже.

— Кто нашел тело?

— Пастух малого стада мещанин Черножуков. Эй! Подойди!

Приблизился мужик заурядного вида, пахнувший водкой и табаком. Сдернул картуз и стал во фронт.

— Расскажи, как ты его заметил? — начал Алексей.

— Да раненько так, чуть свет, пригнал сюда скотинку-те...

— Разве уже есть молодая трава?

— На склонах появилась, я и тово... Ну, пригнал, положил согреться. Отворил-те сороковку, глотнул спиртуозного да и сел-те на колоду. Смотрю — ноги в сапогах. Я и... тово...

— Холодный уже был?

— Как есть, ваше благородие. Холодный.

— Теперь верни, что взял у него из карманов.

Лыков смотрел так требовательно, что пастух подчинился без возражений. Он порылся в азяме и вынул глухие часы на цепочке и смятых два рубля.

— Вот.

— Документы были?

— Никак нет.

Черножуков топтался, ожидая дальнейших вопросов, а сыщики стали разглядывать часы. Томпак, работа фабрики Дивицкого, что в Варшаве. Гравировка отсутствует. Красная цена часам была шесть рублей.

Долг чести

Милотворский осмотрел труп и скомандовал городовым:

— Грузите в коляску.

Титулярный советник убрал часы в карман и продолжил пытаться пастуха:

— Кого-нибудь поблизости видел?

— Лошадь отъезжала, и следы вона... тележные.

— Какой масти лошадь?

— Не могу знать. Темно еще было... токмо ржание слышал. Туды отъезжала, к кирпичным сараям.

Титулярный советник повернулся к Титусу:

— Осмотри следы и возвращайся в управление своим ходом.

— Но...

— Яш, если мы сядем все, придется ноги на покойника ставить. Ты к этому готов?

Коляска тронулась в обратный путь. Мертвый солдат лежал на полу. Сыщик с доктором сидели, подобрав ноги под себя, и вели разговор — люди были привычные.

— Удар показывает, что бил профессионалист, — начал Милотворский. — Природа позаботилась о нас, прикрыла сердце спереди ребрами, а сзади лопаточной костью. Клинок прошел впритирку к последней.

— Но, Иван Александрович, почему же этот профессионалист не взял часы и два рубля деньгами?

— Могли спугнуть.

— Темно, вокруг голое поле, — принялся рассуждать сыщик. — Приближается стадо. Убийца слышит

Дела минувшие

это, садится в телегу и улепетывает. Но стадо еще далеко, а обшарить карманы — дело нескольких секунд. Нет, тут что-то другое.

— Вы сыщики, а я эскулап. Сделаю вскрытие, скажу чуть больше.

— Например, что съел солдатик перед смертью, — попросил Алексей. — И еще: побыстрее бы вскрыть. Ловить-то лучше всего по горячим следам, а за сутки они остынут.

Законодательство Российской империи обязывало делать медико-полицейское вскрытие спустя сутки после обнаружения тела.

— Пусть Павел Афанасьевич даст мне письменное отношение, — велел Милотворский.

На том и порешили. Доктор повез тело убитого в морг Мартыновской больницы, а Лыков выпрыгнул на ходу и поспешил на Алексеевскую. В городском полицейском управлении скучал в одиночестве Благово. Он выслушал доклад помощника, быстро набросал письмо с просьбой ускорить вскрытие и отослал его курьером в больницу. Машина дознания закрутилась. Из Красных казарм вызвали всех свободных фельд-фебелей Девятого полка и заставили опознать труп. Быстро выяснилось, что убитого звали Елпидифор Сомов. Он служил рядовым в седьмой роте и был прежде денщиком подпоручика Шенрока, покончившего с собой в новогоднюю ночь.

Узнав это, сыщики пошли к Каргеру. Полицмейстер выслушал их соображения с особым вниманием. Вести

Долг чести

дознание в военной среде — занятие трудное, требующее такта. Военное командование считает, что армейский мир — святая святых. Офицеры с солдатами подобны особой касте непорочных рыцарей. И когда полиция сует в этот чистый мир свой нос (и обнаруживает, что там такой же скотный двор, как и везде), то военные сердятся. Не на себя, а на полицию. Иметь осведомление генералы запрещают. Главная военная доблесть в их глазах — это не выносить сор из избы... Потому сыскная и не любит дел, связанных с масалками♦.

— Был денщиком у офицера, который застрелился... — стал рассуждать Николай Густавович. — Ну и что? Какая тут связь? Самоубийство хоть и уголовное преступление, но наказывать за это обычно некого♦♦

— Иногда — есть кого, — остановил начальство главный сыщик.

— Ну, если вынудить, довести до отчаяния, шантажировать, тогда есть место и для нас, — согласился Каргер. — Мы занимались смертью подпоручика Шенрока?

— Да, я поднял бумаги. Провели поверхностное дознание и положили дело в архив.

— То есть все было чисто? Что же настораживает вас теперь, Павел Афанасьевич?

— Спустя три месяца кто-то заманивает денщика самоубийцы на выпас. И убивает точным ударом ножа в сердце. При этом не берет ни деньги, ни часы. Как хотите, но в этом следует разобраться.

♦ Масалка — военный (угол. жарг.).

♦♦ Согласно ст. 1477 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, самоубийство являлось преступлением.

Дела минувшие

Тут появился курьер и вручил Благово протокол вскрытия.

— Так... Один раз и наповал — ну, это мы уже знаем... Содержимое желудка... Ел говядину с картошкой. Что ж это он — в Великий пост и говядину? Греховодник. И пил водку. Эх, Сомов, Сомов. И нам задал работы. Судя по трупному окоченению, смерть наступила между тремя и пятью часами утра. Где ты всю ночь шлялся?

Каргер хмуро размышлял. Разговор ему не нравился. Чтобы провести настоящее дознание, придется залезть воякам в самое нутро. А те ощерятся. Девятый Староингерманландский полк входит в Третью пехотную дивизию, начальник которой генерал-лейтенант Корево — ясновельможный пан с большой амбицией. Начальник Первой бригады, правда, русский — генерал-майор Назаров. Начать с него?

Так и решили. К Назарову поехали втроем, но Лыкова за малостью чина оставили в приемной. Однако уже через пять минут позвали к начальнику бригады. Тот крепко пожал сыщику руку и сказал с чувством:

— Слышал, слышал, как вы грудью государя защитили. А столичные телохранители не уберегли, да...

Титулярный советник понял, что разговор с военными сложится. По крайней мере здесь, с русским генералом.

— Зовите меня Николай Николаевич, — продолжил Назаров. — Что нужно от командования бригады?

Долг чести

— Характеристику на убитого солдата, — ответил Алексей. — Он же не на облаке сидел. Вокруг люди были, сослуживцы. Которые видели и слышали, как тот живет, с кем общается, где проводит свободное время. Пусть расскажут мне.

— Сделаем. Еще что?

— Николай Николаевич, самый трудный вопрос, — вступил в разговор Благово. — Есть ли связь между самоубийством в новогоднюю ночь подпоручика Шенрока и убийством рядового Сомова? Что там за история с долгом чести? В полку играли в карты на деньги?

Генерал нахмурился:

— А черт его знает... Ротный командир капитан Рутковский тоже поляк. И батальонер майор Костыро-Стоцкий. Тот нацелился в подполковники, ему важно, чтобы в батальоне все было шито-крыто. При любом шуме Костыро сразу бежит к начальнику дивизии и говорит: караул, беспорядки, так меня с чином прокачат. А генерал Корево вызывает меня и приказывает замять.

— Но полковой командир русский, он-то скажет правду?

— Эх, Павел Афанасьевич, — вздохнул генерал-майор. — И полковому командиру скандалы не нужны. Да, Нил Петрович Беклемишев — человек порядочный. И полк отличный, один из старейших в России. Вы знаете, что в нем в свое время служил сам Суворов? Александр Васильевич, генералиссимус! Девятый

Староингерманландский пехотный полк покрыл себя воинской славой. Где только не воевал! При Петре Первом штурмовал Нарву, бился при Лесной и под Полтавой. Даже в Гангутском сражении принимал участие, как десант на галерах. С турками резался, с Наполеоном, подавлял оба польских восстания. В недавней войне переходил через Балканы. И такой полк, понятное дело, командование хочет оградить от неприятных историй.

— Значит, надо их замалчивать, эти истории? — срезал генерала статский советник. — Ждать, когда полыхнет так, что мало не покажется? И замять уже не выйдет... Николай Николаевич, если в полку играют так, что офицеры стреляются, то одним подпоручиком дело не ограничится. Вам нужен скандал на всю армию? Тогда гоните нас в шею и ждите беды. Но лучше дайте нам сейчас найти и устранить заразу.

Назаров помешивал рафинад в чайном стакане и размышлял. Потом поднял на полицейских сомневающийся взгляд:

— У них спайка, что я могу поделывать?

— Пустить нас в полк своей властью. Вы же бригадный командир.

— А начальник дивизии? Как я его обойду?

Тут вмешался Каргер:

— Да запросто! Повод-то мелкий: зарезали солдата. А про то, что мы объединим дознание со случаем самоубийства, и говорить никому не будем. Главное — влезть в полк, а там... Ведь легко может оказаться, что

Долг чести

связи между этими двумя происшествиями никакой нет и Павел Афанасьевич ошибается. Я лично, кстати сказать, так и думаю.

— Вот хорошо бы! — обрадовался Назаров.

— Полковой командир нам поможет?

— Беклемишев? Прикажу — поможет.

— Так прикажите. Что, лишь поляки могут между собой сговариваться? Давайте и мы, русские, сговоримся.

В Красные казармы полетел вестовой. В ожидании Беклемишева полицейские распивали чай, а начальник бригады не переставал хвалить ингерманландцев. Наконец прибыл полковой командир. Алексей, как всегда, когда приходилось иметь дело с военными, заблаговременно повесил на мундир Знак отличия Военного ордена♦ и медаль за турецкую войну. Как и ожидалось, полковник при виде наград сразу улыбнулся:

♦ Так до 1913 года официально назывался солдатский Георгиевский крест.

— Где резались, титулярный советник? Меня Нилом Петровичем звать.

— В Рионском отряде, в Аджарии.

— Ох, трудно там пришлось... У меня товарищ в Кобулету от малярии помер.

— Будто вам на Балканах сладко было...

Разговор после такого вступления сразу наладился. Сыщики сжато рассказали полковнику, что смерть бывшего денщика самоубийцы им подозрительна. Азартные игры — бич армии. Сколько судеб они уже сломали. Лучше проверить все досконально, восполь-

Дела минувшие

зовавшись гибелью солдата. Ежели есть в полку какая гниль — вскрыть ее и вычистить рану. А то будет хуже.

— Гниль есть, — сразу признал Нил Петрович. — Только как ее вычищать, ума не приложу. Идет зараза от командира Седьмой роты капитана Рутковского. То ли он сам банкомет, то ли на его квартире балуются, но — играют, стервецы. На деньги. А какие у офицера деньги? Жалованье подпоручика — сорок восемь рублей в месяц. Ну, столовых двадцать рублей. Едва хватает на еду и обмундировку. Откуда берутся средства на карточную игру, для меня загадка. Есть, конечно, дети богатых родителей. Тот же несчастный подпоручик Шенрок был сыном бывшего откупщика. Правда, папаша его слыл скупым, как три жида, и сынку денег не давал. Тот ждал наследства, когда папаша помрет, но сам ушел раньше...

— Что достоверно вам известно? — уточнил Благово.

— Играют во всем Втором батальоне. Седьмая рота — заводила, но и в Пятой, и в Шестой та же канитель. Только Восьмая пока держится, там ротный командир капитан Асатцев зажал молодежь-холостежь в кулаке.

— Где именно играют?

— Сейчас на квартирах. Полк стоит в Красных казармах, офицеры частью снимают жилье у обывателей, частью помещены во флигель, что во дворе. Я сам туда не суюсь, а надо бы...

— Вы сказали: сейчас на квартирах. Ждете лагерей? — догадался Лыков.

Долг чести

— Точно так, господин титулярный советник... как вас?

— Алексей Николаевич.

Беклемишев нахмурился:

— Уже апрель, после Пасхи мы сразу в лагеря. Там такое начнется! Сойдутся три пехотных полка, один казачий и артиллерийская батарея. Делать офицерам нечего, только и остается, что дуться в картишки. Хорошо бы до лагерей вскрыть язву, а, господа сыщики?

— Помогите нам, тогда управимся.

— Эх! — Беклемишев стукнул по столу кулаком. — Жизнь офицерская! Иной раз думаешь, прости господи: уж лучше война. Там все на волоске, твоя судьба — дело случая, а нравы чище. Даже ругаются меньше, похабного слова не услышишь. А здесь, в казармах да палатках, скука и бессмысленность существования заставляют людей пить да играть.

— Почему бессмысленность существования? — удивился Алексей.

Остальные трое поглядели на него с усмешкой. Благово буркнул:

— Повзрослеешь — поймешь.

— А... Ну ладно. Разрешите приступить к дознанию, ваше высокородие?

Действительный статский советник Каргер, генерал-майор Назаров и полковник Беклемишев на этот раз покосились на статского советника. Благово начал загибать пальцы:

Дела минувшие

— Опрос сослуживцев убитого денщика — раз. Беседа с ротным командиром... как его?

— Рутковский Вацлав Вацлавич, — подсказал Назаров.

— ...два. Ну и младших офицеров тоже надо расспросить — это три. Все это поручаю Алексею Николаевичу. А я поговорю с Асатцевым. Попробую получить от него характеристику того, что творится в полку. Тут, Нил Петрович, потребуется ваше содействие.

Беклемишев сообразил сразу:

— Характеристику? Вы хотите, чтобы офицер доносил на своих товарищей, а я этому содействовал?

Благово так же быстро рассвирепел:

— У вас в полку уже два покойника! Вам мало? Просите нас удалить язву, а сами в институтку играете? Гангрену не лечат примочками.

Вмешался начальник бригады:

— Нил Петрович, а я вам приказываю обеспечить сотрудничество капитана Асатцева с чинами полиции! С соблюдением этических соображений, разумеется.

Никто не понял, что под этим имел в виду генерал-майор, но формулировка всех устроила. Каргер поехал к себе, а сыщики направились вместе с полковым командиром в Красные казармы. Там Беклемишев дал необходимые приказания и удалился. На короткое время полицейские остались одни. Павел Афанасьевич требовательно посмотрел на помощника. Тот кивнул:

Долг чести

— Да, конечно, я поищу среди них осведомителя. Но понадобятся деньги. Хотя бы пятерину, а лучше десятку.

Статский советник вынул потертый бумажник с дворянской короной, долго в нем рылся и извлек две трешницы.

— На. Больше с собой нет. В отделении напишешь расписку.

— Слушаюсь. Фамилия Рутковский вам ни о чем не говорит?

— Нет. Это у тебя память феноменальная, а я, после того удара по башке, и все, что знал, позабыл. А тебе она о чем говорит?

Титулярный советник пожал плечами:

— С ходу не вспомню, но мелькало, мелькало... Вечером посмотрю во входящих.

И они расстались.

Первым делом Лыков представился батальонному командиру майору Костыро-Стоцкому. Тот сразу не понравился нижегородцу — типичный карьерист с хитрой физиономией и глазами как две заслонки. Майор вызвал капитана Рутковского и распорядился насчет опроса нижних чинов.

Когда сыщик увидел капитана, то понял, что тот еще противнее батальонера. Вот уж лис так лис! Пришлось прикинуться недалеким служакой, которому начальство поручило скучные формальности. Уловка помогла. Капитан выслушал первые две беседы и удалился, сославшись на дела. Алексей сразу оживился. Как раз

Дела минувшие

зашел фельдфебель по фамилии Скоробогатый. Он быстро уяснил вопросы и ответил обстоятельно:

— Дрянной был солдат Елпидифор Сомов. Ох, паскудная душа! Ленивый, на руку нечистый, службу знал из рук вон.

— На руку нечистый? — насторожился сыщик. — Неужто у своих крал?

— Так точно, ваше благородие. У покойного подпоручика Шенрока деньги тырил по маленькой, тот сам мне жалился. И раньше пропадали в роте мелкие суммы. На него грешили... Побить хотели, да доказать не смогли. А по карахтеру — он! Оставшись без офицера, Сомов угодил в артель, делали они к масленице в Гордеевке лубочные ряды. И там отличился Елпишка своей бестолковостью. Выгнали из артели обратно в роту.

— Когда вернули Сомова в роту, с кем он там знался?

— Да ни с кем. Денщики от роты — как отрезанный ломоть: на учения не ходят, дежурств не несут, только и знают, что подай-принеси. Как алешки♦, в общем. И, оказавшись снова в строю, растяпа наш жил наособицу.

— В увольнения он тоже один ходил, наособицу? Что можешь сказать за его знакомства?

Скоробогатый без раздумий ответил:

— А в кабаки он ходил. Причем в самые дурные, их вон на Миллионке вдосталь.

— На какие деньги мог там пить нижний чин? — усомнился Лыков. — На Миллионке в долг не наливают. Сапоги требуют, а куда он без сапог?

Фельдфебель и тут за словом в карман не полез:

♦ Алешка — лакей.

Долг чести

— А вот с краж и гулял.

— Но ведь не доказано.

— Не доказано. Однако как иначе лопать мануйловку с протопоповкой? ♦ А Елпишка бахвалился, что, кроме них, ничего не пьет.

♦ *Мануйловка, протопоповка* — марки дорогих водок.

Лыков и сам любил настойки московского парового водочного завода Протопопова. Однако со своим жалованьем мог позволить их себе только по большим праздникам. А тут рядовой солдатик.

Другие сослуживцы убитого дали ему такую же характеристику. Вороватый, ленивый, любил угоститься за чужой счет. Жадный — страсть! Самым полезным оказался младший унтер-офицер Кривошапкин. Как только он заговорил, сыщик остановил его и перешел на другой тон:

— Как тебя звать?

— Викула, ваше благородие.

— А по отчеству?

— Елисеевич.

— Викула Елисеевич, сколько тебе осталось служить?

— Год с месяцем.

— Ты у начальства, надо полагать, на хорошем счету?

— Вроде да...

— А куда хочешь поступить после отставки?

Унтер зачесал в затылке:

— Вот бы в конторщики на хорошее место. Или на железную дорогу.

— Чтобы попасть на такое место, нужно представить ходатайство.

Дела минувшие

— Я знаю. Надеюсь, господин ротный командир подпишет.

Лыков усмехнулся:

— Рутковский? Он с тебя денег за это потребует. А так и слушать не станет.

Кривошапкин смутился. А сыщик продолжил:

— Такое ходатайство, с подходящей характеристикой, можем дать мы. Ежели его превосходительство полицмейстер Каргер черкнет, тебя куда угодно возьмут!

— А... как бы это сделать, ваше благородие?

— Да уж не за спасибо. Нужно, чтобы ты рассказывал мне о настроениях в вашей роте. А лучше — и в батальоне, и во всем полку. Тайно от Рутковского.

Унтер-офицер напрягся:

— Стало быть, доносительством заниматься?

— Мы говорим: негласное осведомление.

— Но суть-то дела такая, как я сказал?

— А это как поглядеть, Викула. Вот у вас офицеры в карты играют, а потом стреляются. Как подпоручик Шенрок. Хорошо, что христианин жизни себя лишил?

— Плохо, очень плохо!

— А ведь этого можно было избежать, если бы его вовремя оттащили от соблазна. И человек сейчас был бы жив. Скажи, много у вас картежной игры?

Кривошапкин мялся, потом выдавил:

— Много. Так ведь среди офицеров, мне туда хода нет. Какой толк от моего осведомления будет? Копеечный.

Долг чести

— Умный человек найдет способ, — возразил сыщик. — Через денщиков, к примеру. Или тебе характеристика хорошая не нужна? Через год с месяцем. А я тебе еще и деньги буду платить. Вот, держи пока трешницу. Станешь получать такую каждый месяц.

Служивый разглядывал билет, потом недоверчиво спросил:

— За что мне деньги?

— За негласное осведомление. Поступаешь ко мне на связь. Сейчас пиши расписку: я, такой-то, получил три рубля, в скобках сумма прописью, от помощника начальника сыскного отделения титулярного советника Лыкова за освещение настроений в военной среде. Дата, подпись.

Кривошапкин накатал расписку, сунул трешницу в карман и начал рассказывать.

По его словам, Сомов якшался за пределами казармы с опасными людьми. И чувствовал себя с ними в своей тарелке. Знакомцы рядового поджидали его на выходе и вели в трущобы Миллионки, славящейся своими притонами.

— А для чего им нужен был солдат?

— Не могу знать, ваше благородие. Однако были у мазуриков к нему какие-то дела. Просто так поить не станут.

— Что за люди? Упоминал он имена, фамилии или клички?

— Так точно. Сброд, настоящий сброд. И жили они в окрестных ночлежках. На вид ребята страхолюд-

Дела минувшие

ные — как Елпишка их не боялся? Вот и доигрался в конце концов...

— Какие именно ночлежные квартиры, не помнишь?

— Да разные. Даже в Лопухинских номерах он бывал.

Лопухинскими номерами называли пустырь за вторым корпусом Красных казарм, в полугоре кремля. Там издавна были поставлены ларьки и вырыты землянки. В каждой проживало по несколько человек всякого отребья, босяков злого пошиба. Даже днем мимо тех «номеров» лучше было не ходить — ограбят и избыют. Полиция тоже старалась без особой нужды не соваться в эту клоаку. Облавы там проводили редко и лишь усиленными нарядами.

♦ Освед — осведомитель.

Новый освед♦ старался как мог и сообщил немало интересного. Так, он вспомнил клички двух приятелей покойного: Цапля и Колька Бешеный. Этих ребят Лыков понаслышке, но знал, и для сыщиков открывались возможности.

Сведения о картежной игре в роте были более скудными. Отделенный унтер-офицер действительно далеко отстоял от закрытой жизни золотых погон. Кривошاپкин сообщил, что в Седьмой роте «болезни зеленого сукна» подвержены почти все офицеры. Оба поручика — Вейншторд и Денисьев и три из четырех подпоручиков — Албанович, Петров-второй и Кольцов-Масальский. Игру поощряет и даже предоставляет место на своей квартире капитан Рутковский. Лишь подпоручик Аглицкий сторонится карт, за что его

буквально выживают из роты. Лыков сразу понял, что нужно поближе познакомиться с этим человеком.

Он вел опрос сначала нижних чинов, а затем и офицеров до вечера. Завербовать Аглицкого не удалось — тот сразу заявил, что доносить на товарищей не станет. Остальные благородия вместо ответа на вопросы об убитом отсылали сыщика к соседям по казарме. А про карты молчали, как про военную тайну. Когда титулярный советник собирался уже уходить, его вызвали к батальонному командиру. Тот напыжил усы и объявил:

— До моего сведения дошло, что вы спрашиваете моих офицеров насчет картежной игры!

— И что?

— Как что? Кто дал вам право задавать подобные вопросы?

Алексея стало раздражать хамское поведение майора. Он помнил, что тот идет на следующий чин и скандалы ему не нужны. Поэтому взял быка за рога:

— Полиция ведет дознание убийства рядового Сомова. Вашего батальона. Тот был ранее денщиком застрелившегося подпоручика Шенрока. Вашего же батальона. Дознание согласовано с начальником бригады генерал-майором Назаровым. Вы хотите воспрепятствовать ему? Вопреки решению генерала? Прикажете доложить ему об этом?

Костыро-Стоцкий сразу пошел на попятную:

— Нет, что вы! Я имел в виду другое.

— Что же тогда? — продолжил нажимать титулярный советник, понимая, что с такими прощелыгами